ВОСПОМИНАНІЯ

О ПРОФЕССОРѢ ГРАФѢ

Л. А. КАМАРОВСКОМЪ.

РѢЧИ,

произнесенныя въ 20-й день по его кончинѣ въ публичномъ засѣданіи Центральнаго Комитета Союза 17 Октября (27 дек. 1912 г.)

д-ромъ Б. В. Куманинымъ

и прис. пов. А. В. Шиловымъ.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5
1913

„Пров 38“

453
33

Рѣчь д-ра Б. В. Куманина,

произнесенная въ 20-й день по кончинѣ профессора графа Л. А. Камаровскаго въ засѣданіи Центральнаго Комитета „Союза 17 Октября".

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Сегодня мы вспоминаемъ дорогого для насъ человѣка и сочлена, который сдѣлалъ такъ много для науки, для человѣчества, для нашего стараго Университета и, наконецъ, для нашей партіи.

Покойный графъ Леонидъ Алексѣевичъ Камаровскій имѣлъ, какъ ученый, большую извѣстность не только въ Россіи, но и въ Европѣ: его сочиненія переведены на иностранные языки, онъ былъ членомъ института международнаго права.

Много работалъ онъ и въ интересахъ международнаго мира и третейскихъ судовъ, работалъ какъ юристъ, какъ профессоръ международнаго права, какъ авторъ многихъ научныхъ трудовъ, какъ публицистъ и какъ членъ международнаго трибунала: съ 1909 года гр. Камаровскій представлялъ Россію въ постоянной палатѣ международнаго третейскаго суда; онъ принималъ участіе и въ Гаагской конференціи мира*). Но, Мил. Г—ни и Мил. Г—ри, вѣдь это все—общепризнано: т.-е. всѣмъ обществомъ, всей печатью, всей профессурой, всѣмъ студенчествомъ.....

Сейчасъ, здѣсь, мы собрались вспомнить не только это—общепризнанное и общеизвѣстное. Мы пришли сюда вспомнить русскаго гражданина, пламенно любившаго свою родину, жившаго ея радостями, страдавшаго ея печалями.....

Мы вспоминаемъ сейчасъ вѣрнаго гражданина своей страны и вѣрнаго сына своего народа, патріота, который не могъ оставаться безучастнымъ къ волненіямъ, охватившимъ его отечество.

Здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, мы такъ часто встрѣчали покойнаго графа—и днемъ, и ночью—въ качествѣ убѣжденнѣйшаго члена нашего

*) Кромѣ всего этого онъ работалъ еще въ Обществѣ „Миръ", гдѣ былъ вице-президентомъ.

Союза и въ качествѣ энергичнаго работника на пользу нашей партіи: онъ много разъ выступалъ ораторомъ, публицистомъ, кандидатомъ въ члены Государственной Думы; онъ былъ талантливый и неутомимый агитаторъ на предвыборныхъ собраніяхъ; былъ членомъ Бюро Центральнаго Комитета, предсѣдателемъ Отдѣла Тверской части, членомъ Комиссіи по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ дѣламъ, старшиной нашего Клуба и т. д. и т. д. Кромѣ всего этого, вы, конечно, знаете, что графъ Л. А. долгое время былъ товарищемъ предсѣдателя Центральнаго Комитета нашей партіи.

Въ составъ нашего Союза входитъ много ученыхъ и профессоровъ съ блестящими именами, извѣстность которыхъ идетъ далеко за предѣлы нашего отечества.

Но не въ обычаѣ нашей партіи и присущей ей скромности афишировать ихъ участіе въ составѣ Союза, и если я сейчасъ упоминаю объ этомъ, то лишь для того, чтобы возможно ярче отмѣтить громадную работу покойнаго ученаго, свершенную имъ для нашей партіи.

Занятый преподаваніемъ въ Университетѣ, занимая постъ декана юридическаго факультета, завѣдуя высшими женскими юридическими курсами Полторацкой, состоя гласнымъ Московской Городской Думы, работая въ городскомъ университетѣ Шанявскаго *),—Л. А. всей душой и всѣми силами отдавался своему любимому дѣлу—наукѣ, но весь остатокъ своего времени онъ посвящалъ своей партіи. Онъ былъ товарищемъ предсѣдателя Центральнаго Комитета.

Это ли не любовь къ нашимъ идеаламъ, это ли не преданность нашей партіи?! Если же вы присоедините къ этому его горячее и неутомимое участіе въ теченіе многихъ лѣтъ во всѣхъ организаціяхъ, изданіяхъ и съѣздахъ нашей партіи, то вы поймете, какую понесли мы утрату въ лицѣ почившаго профессора.

Ореолъ глубокаго уваженія окружалъ его славное имя.

Л. А. былъ не только заслуженный профессоръ, деканъ и ректоръ, но прежде всего онъ былъ *человѣкъ* и *христіанинъ* — въ лучшемъ смыслѣ этихъ двухъ словъ. Онъ былъ глубоко вѣрующимъ и преданнымъ сыномъ Православной Церкви.

Ярко и открыто выраженная имъ, какъ вы видѣли, *партійность*— не помѣшала всѣмъ его политическимъ противникамъ съ искренней скорбью собраться у его гроба, какъ не помѣшала имъ отдать должное его благородной и свѣтлой личности во всѣхъ своихъ изданіяхъ, гдѣ помѣщались не только обширныя, но и въ высшей степени теплыя статьи, посвященныя его памяти, статьи, проникнутыя чувствомъ сердечной любви къ усопшему — съ первой строки до послѣдней.

*) Въ качествѣ преподавателя и члена Попечительнаго Совѣта этого народнаго университета.

Мы не хотимъ и не можемъ исчерпать здѣсь всѣ общественные труды и заслуги покойнаго графа.

Вы все это уже читали въ обстоятельныхъ и подробныхъ біографіяхъ покойнаго, помѣщенныхъ во всѣхъ столичныхъ газетахъ. Сейчасъ намъ хочется только возстановить въ вашей памяти нѣкоторыя черты покойнаго, а именно какъ члена нашей партіи.

Когда Россія погибала, а это дѣйствительно было въ 1905 и 1906 годахъ, и когда русскій народъ стоялъ на распутьи, разрозненный и неорганизованный, несмотря на то, что всѣ другіе народы нашего государства были не только организованы, но и крѣпко сплочены,—въ этотъ страшный и даже критическій моментъ нашей исторіи покойный ученый рѣшительно сталъ на сторону Союза 17 Октября. Рѣшительно, безъ колебаній и безповоротно.

Не разъ мы, да навѣрное и многіе изъ васъ, слыхали, какъ графъ Камаровскій въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ на предвыборныхъ собраніяхъ настойчиво и даже демонстративно подчеркивалъ, что „Союзъ 17 Октября есть партія—*русская, національная*“, въ отличіе отъ нѣкоторыхъ другихъ организацій.

Въ то же время онъ всегда призывалъ страну итти *впередъ*, всегда доказывалъ необходимость прогресса и конституціоннаго строя для нашего государства.

Вы помните его картинныя сравненія съ другими партіями? Лѣвыя партіи—говорилъ онъ—тоже зовутъ впередъ, но онѣ говорятъ вамъ—„Прыгайте!“, дѣлайте сразу большой скачекъ, тогда какъ Союзъ 17 Октября призываетъ лишь *итти* впередъ, безъ необдуманныхъ и опасныхъ прыжковъ чрезъ невѣдомыя и бездонныя пропасти.....

Правыя партіи, съ другой стороны, задерживая естественное движеніе впередъ, грозятъ опаснымъ для жизни застоемъ, охраняютъ давно обветшалое.....

Вы помните его рѣчи, лекціи и доклады въ нашемъ Клубѣ, посвященные великому дню 17 октября, дню начала русской конституціи и дню возрожденія русскаго народа, какъ націи.

Сколько разъ въ стѣнахъ нашего Клуба и на предвыборныхъ собраніяхъ покойный ученый обращалъ вниманіе своихъ слушателей на громадное значеніе даты „1905 годъ“ въ исторіи Россіи!

Вы помните, какъ онъ подчеркивалъ глубокое значеніе для насъ этого года, развертывая въ исторической перспективѣ уже пережитое великими народами Запада.

4 даты,—говорилъ онъ,—знаменуютъ собой глубокія и благотворныя перемѣны въ жизни европейскихъ народовъ, а именно: 1215 годъ—когда родилась политическая свобода англійской націи, 1789 г.—сво-

бода французовъ, 1848 г.—народовъ германскихъ и, наконецъ, 1905 г.—вступленіе и русскаго народа на путь гражданскихъ правъ и свободъ.

Сколько разъ успокаивалъ онъ нашихъ единомышленниковъ указаніемъ на великія, коренныя и полезныя перемѣны, вызванныя въ государственномъ строѣ Россіи Высочайшимъ Манифестомъ 17 октября....

Успокаивалъ, потому что подъ натискомъ слѣва, съ грохотомъ бомбъ и съ дымомъ пожаровъ, разрушались драгоцѣнныя для русскаго сердца воспоминанія, кровную связь съ которыми мы всѣ такъ живо чувствовали и чувствуемъ.... .

Вмѣстѣ съ отжившимъ строемъ и его учрежденіями безцеремонно рвали и образы дорогихъ намъ людей и память о величайшихъ событіяхъ нашей исторіи, глумясь надъ близкими нашему сердцу памятниками старины, той гордой старины, которая создала намъ независимое, великое и могущественное отечество. Но ни одно культурное общество не можетъ заслуживать уваженія, если оно такъ слѣпо рветъ со своимъ прошлымъ.

А между тѣмъ наше прошлое, какъ это ясно видно изъ послѣднихъ юбилеевъ,—богато, увлекательно и полно яркихъ красокъ....

Мы недавно вспоминали Полтаву, почти на-дняхъ—Бородино, а теперь переносимся душою и сердцемъ къ году избранія на царство Михаила Романова. Вы помните жалкія потуги разныхъ брошюръ, изданныхъ въ смутные годы,—потуги, имѣвшія цѣлью разбить дивный гранитъ нашей славной исторіи? Когда же нахлынули бурныя волны реакціи, и вотъ-вотъ, казалось, пройдетъ девятый валъ и скроетъ подъ сѣдымъ гребнемъ *всѣ* пріобрѣтенія нашей страны, дарованныя Монархомъ въ Его Манифестѣ 17 октября,—тогда нашихъ сторонниковъ охватывалъ ужасъ предъ мрачной чернотою пропасти, куда толкали несчастную страну правые организаціи и кружки....

Покойный Л. А. всей силой своего научнаго авторитета, всей убѣдительностью своего краснорѣчія, всѣмъ обаяніемъ своего правдиваго голоса просилъ насъ не падать духомъ....

— Говорятъ, что уже все потеряно....—заявлялъ онъ въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей въ этотъ жуткій періодъ....

— Нѣтъ!—убѣжденно и твердо отвѣчалъ онъ на такія мысли:— У насъ есть законодательная Государственная Дума, есть народное представительство, есть реформированный Государственный Совѣтъ съ выборными членами, есть Манифестъ 17 октября.....

— Ничего подобнаго не было еще недавно—два или три года тому назадъ....

Сколько силъ и сколько здоровья унесла у Л. А. тяжелая работа въ партіи! Неутомимо сотрудничалъ онъ и въ „Голосѣ Москвы“, и въ

„Извѣстіяхъ“ нашего Союза, гдѣ сохранятся для исторіи нашей партіи многія замѣчательныя статьи покойнаго профессора. Въ 1906 г., когда у Союза еще не было никакого органа, графъ принялъ живое участіе въ небольшой газетѣ „Національная Русь“, выходившей недолго и явившейся первымъ шагомъ нашего Союза въ дѣлѣ созданія своей прессы. А сколько разъ выступалъ онъ нашимъ кандидатомъ на выборахъ въ Государственную Думу!

М. Г—ни и М. Г—ри! Бѣшеная травля октябристовъ противниками велась тогда безъ стыда и безъ совѣсти: не гнушались ни клеветой, ни пасквилями.... И надо было имѣть неисчерпаемый запасъ гражданскаго мужества, чтобы смѣло отстаивать свои убѣжденія и грести противъ теченія....

А вѣдь итти кандидатомъ на выборы въ тѣ времена, это было— не просто грести, а мощнымъ ударомъ веселъ отбрасывать злобныя волны, яростно бившія вамъ въ грудь....

Помню, когда въ январѣ 1907 года вышли первые №№ „Голоса Москвы“, живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ принялъ и графъ....

Нападки на новую газету посыпались тотчасъ же и отовсюду; не ограничивались самой газетой, но и глумились надъ ея сотрудниками.

Когда я, въ редакціи, показалъ одну изъ такихъ неопрятныхъ статей Л. А.,—покойный, пробѣжавъ ее на-скоро, спокойно и убѣжденно сказалъ намъ, стоявшимъ возлѣ него:

— Мы должны итти мимо этого! Мимо.... мимо.... Пусть пишутъ! Мы должны итти *своею* дорогой.... А это пусть идетъ мимо насъ!...

Жестъ, которымъ онъ подкрѣпилъ свои слова, ясно указывалъ на рѣшительность его намѣреній и глубину его убѣжденій....

Вы помните, какое живое и горячее участіе принималъ онъ и въ съѣздахъ нашей партіи,—въ различныхъ секціяхъ и комиссіяхъ, выступая то предсѣдателемъ, то членомъ,—и въ нашемъ Клубѣ, и въ другихъ партійныхъ дѣлахъ....

Все это еще такъ свѣжо въ нашей памяти, полной благодарности и искренней любви къ почившему!

Когда онъ занялъ постъ ректора Университета, то, конечно, въ силу своего служебнаго положенія, онъ долженъ былъ отстраниться отъ активной работы въ партіи...

А затѣмъ уже и состояніе его здоровья не позволяло ему работать попрежнему...

Въ послѣдніе дни своей жизни графъ, какъ общественный и партійный дѣятель, могъ чувствовать, что его многолѣтняя и разносторонняя работа на пользу нашего Союза не прошла безслѣдно.

Вѣдь теперь уже вся Россія знаетъ, что, несмотря на всевозмо

и всемѣрныя противодѣйствія со стороны правительства, несмотря на яростныя нападки газетъ и большинства еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ журналовъ (ибо почти вся пресса находится въ рукахъ нашихъ противниковъ), несмотря на сильнѣйшую и ожесточенную предвыборную агитацію нашихъ враговъ,—самая многочисленная фракція въ 4 Государственной Думѣ принадлежитъ къ партіи октябристовъ. Ихъ 100 человѣкъ, а не будь препятствій отъ правительства, нашихъ депутатовъ было бы гораздо больше, какъ это выяснилъ нашъ сочленъ П. В. Каменскій изъ бесѣдъ во фракціи, и даже больше, чѣмъ ихъ было въ 3-й Думѣ. М. Г—ни и Г—ри! Ростъ нашего Союза и нашихъ идеаловъ является теперь безспорнымъ и очевиднымъ.

Наши противники могутъ писать и печатать, что́ имъ угодно: бумага все стерпитъ; мы же, какъ завѣщалъ намъ покойный графъ, пойдемъ *мимо* этихъ писаній...

Вы уже достаточно уяснили себѣ, насколько мы обязаны ростомъ нашего Союза и распространеніемъ нашихъ идей покойному профессору, графу Камаровскому.

Поэтому я позволю себѣ заключить свою рѣчь убѣжденіемъ, что благодарная память о его свѣтломъ обликѣ гражданина и патріота никогда не умретъ въ нашей душѣ, какъ не умретъ она и въ исторіи развитія нашего Союза.

А когда наше *національное самосознаніе* окрѣпнетъ, тогда не только члены *нашей* партіи, но и несравненно болѣе широкіе круги русскаго общества съ глубокой благодарностью припомнятъ, что покойный графъ былъ однимъ изъ главныхъ піонеровъ этого дѣла.

Помните, что онъ принужденъ былъ выступить на борьбу за наши идеи въ очень тяжелое время...

Когда, послѣ одного изъ нашихъ пораженій, прив.-доц. А. С. Бѣлкинъ—теперь уже тоже покойный—написалъ задушевную статью—„Противъ теченія!“, то въ статьѣ этой онъ напомнилъ о стихотвореніи графа Алексѣя Толстого, носящемъ такое же заглавіе. И вотъ какъ поэтъ въ своихъ стихахъ, такъ и *Л. А.* въ своихъ *рѣчахъ* убѣждалъ насъ стоять твердо—не уступать заливавшимъ насъ волнамъ, надменнымъ и безпощаднымъ, которыя съ бѣшенымъ рёвомъ неслись намъ навстрѣчу:

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею.

. . . . . .

Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное—противъ теченія!..

Б. Куманинъ.

Рѣчь прис. пов. А. В. Шилова,

произнесенная въ 20-й день по кончинѣ профессора графа Л. А. Камаровскаго въ засѣданіи Центральнаго Комитета „Союза 17 Октября".

Милостивыя Государыни
и Милостивые Государи!

Предложеніе Центральнаго Комитета Союза 17 Октября произнести рѣчь, посвященную памяти покойнаго Проф. Гр. Л. А. Камаровскаго поставило меня въ затруднительное положеніе.

Съ одной стороны, для меня было пріятно принять активное участіе въ чествованіи памяти человѣка, котораго я глубоко уважалъ и который оказалъ сильное вліяніе на выработку моего міросозерцанія, а съ другой стороны, я понималъ, что такая задача является для меня не по силамъ.

Покойный былъ ученымъ, и, чтобы оцѣнить значеніе его дѣятельности, необходимо быть компетентнымъ при оцѣнкѣ его трудовъ, я же, хотя и юристъ, но вопросами международнаго права, области ученой дѣятельности покойнаго профессора, никогда спеціально не занимался и съ трудами покойнаго въ этой области мало знакомъ.

Періодъ времени съ 1883—1905 г. я очень рѣдко встрѣчался съ покойнымъ графомъ и болѣе или менѣе близкія отношенія къ нему поддерживалъ съ 1879 г. по 1883 годъ, когда я былъ студентомъ, и съ 1906 г.—въ Союзѣ 17 Октября.

Поэтому я могу изложить только отрывочныя воспоминанія, которыя, можетъ быть, дадутъ нѣкоторыя черты для характеристики почившаго.

Когда въ 1879 году я поступилъ въ Университетъ, среди профессоровъ-юристовъ господствовала теорія Iherin'a, который смотрѣлъ на право только какъ на интересъ, защищенный организованною силою, и не видѣлъ права тамъ, гдѣ не могло быть иска.

Право разсматривалось съ точки зрѣнія этой теоріи, какъ результатъ классовой борьбы, какъ охрана интересовъ того класса, который въ данное время имѣлъ наибольше силы.

Въ такомъ пониманіи идеальный элементъ совершенно отсутствовалъ, общенародное правосознаніе не играло никакой роли. Совсѣмъ другое воззрѣніе проводилъ въ своихъ лекціяхъ почившій профессоръ: онъ смотрѣлъ на право, какъ на выраженіе правосознанія народа, его понятіе о справедливомъ и несправедливомъ. Въ области международныхъ отношеній, гдѣ и рѣчи не можетъ быть объ организованномъ принужденіи, онъ видѣлъ также правовое начало.

Такое пониманіе, шедшее въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ, было болѣе соотвѣтственно съ настроеніемъ болѣе или менѣе идеальнымъ, которое и наблюдалось тогда въ части молодежи.

То же идеальное настроеніе я нашелъ въ Леонидѣ Алексѣевичѣ спустя слишкомъ 20 лѣтъ, когда сталъ встрѣчаться съ нимъ въ Союзѣ 17 Октября. Онъ былъ противникомъ революціи, натиска обезумѣвшей толпы, которая грозила смести всѣ культурныя пріобрѣтенія, добытыя долгими годами и большимъ трудомъ лучшихъ русскихъ людей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ признавалъ, что существовавшему ранѣе порядку вещей, когда интересы народа приносились въ жертву высшимъ классамъ, долженъ быть положенъ предѣлъ, что въ эти отношенія должны быть внесены начала справедливости, а не право сильнаго, что надо немедленно приступить къ усиленной просвѣтительной работѣ, нужно облегчить тяжести налогового бремени, лежащаго, благодаря системѣ косвенныхъ налоговъ, на наиболѣе обездоленныхъ слояхъ населенія...

Мнѣ не разъ приходилось бесѣдовать съ Леонидомъ Алексѣевичемъ и по вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ, которымъ я занимаюсь вотъ уже нѣсколько лѣтъ, и по которому я дѣлалъ докладъ въ Центральномъ Комитетѣ „Союза“. Графъ очень сочувственно относился къ моей работѣ и совѣтовалъ вести ее дальше; не разъ говорилъ онъ мнѣ, что наша финансовая система, въ значительной степени основанная на обложеніи спиртныхъ напитковъ, извлекаетъ средства изъ обложенія наиболѣе бѣднаго класса населенія и ведетъ, въ силу всего этого, къ пониженію нравственнаго уровня массъ и является могучимъ факторомъ вырожденія. Какъ въ интересахъ справедливости, такъ и въ общегосударственныхъ интересахъ, онъ считалъ необходимымъ принять самыя энергичныя мѣры къ ограниченію потребленія у насъ спиртныхъ напит-

ковъ; онъ говорилъ, что реформу питейной торговли необходимо произвести какъ можно скорѣе и въ первую очередь, а тѣ потери финансовыхъ средствъ, которыхъ потребуетъ такая реформа, возмѣстить путемъ увеличенія обложенія болѣе достаточныхъ и зажиточныхъ классовъ.

Во всѣхъ его публичныхъ выступленіяхъ, во всѣхъ его частныхъ разговорахъ, всегда стояли на первомъ мѣстѣ требованія справедливости. И къ узко классовымъ поползновеніямъ высшихъ слоевъ населенія онъ относился вполнѣ отрицательно.

Онъ отожествлялъ собой того глубоко убѣжденнаго дѣятеля, который смѣло высказываетъ свои убѣжденія, несмотря ни на требованія массъ и большинства, когда они, по его глубокому убѣжденію, несправедливы, ни на взгляды людей, облеченныхъ властью, если таковые расходятся съ его гуманистическими, идеалистическими воззрѣніями. Къ нему приложимы вполнѣ слова Горація въ его стихотвореніи:

„Justum et tenacem propositi Virum“...[1]).

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

---

[1]) Рѣчь А. В. Шилова изложена конспективно по записи секретаря собранія.